

ФРЕДЕРИК ГРО

Состояния насилия¹

Сегодня все бессмысленнее становится разделение между войной и миром, внутренним и внешним, публичным и частным, обществом и государством, политическим и экономическим, национальным и интернациональным, транснациональным и наднациональным.

Пьер Хасснер. «Войны и общества»

На наших глазах рушится концепция «народной и справедливой» войны: обращаются в хаос силы, вписанные в привычную сетку регламентации этики, политики и права. На смену войне приходят невиданные до сего момента состояния насилия; нам предстоит выявить, описать и осмыслить их составляющие. С тех пор как о коллективном и вооруженном насилии размышляли Платон, Гоббс, Гегель или Ницше, война сменила свое обличье.

Войне присущи собственные сцены действия и актеры, представлявшие всех ее персонажей на протяжении долгой истории человечества, и среди них — ее героев и ее пространства. Они выходили на сцену в самых разнообразных одеяниях, мундирах, экипировке. А действие проходило то в густой грязи, то в душной пыли, а порой и в трясине, среди горных ущелий или заросших высокой травой лугов, оголенных под пахотой полей, среди холмов или зубчатых гор, на широких площадках городских укреплений, в лабиринтах и глубоких рвах. Мы оставляем за скобками описание тактики сражений и рассказы о техническом совершенствовании оружия. Разделение на масштабные и локальные войны, великие и малые, истинные и позорные, основывалось на том, что предполагалось существование ее четкой формы, включавшей две враждующие армии, с каждой из которых ассоциировались определенные политические силы. Сталкиваясь между собой в морских или на-

¹ Gros Frédéric. *Etats de violences. Essai sur la fin de la guerre.* — Paris: Gallimard, 2005. P. 215–243. Текст представляет собой фрагмент философской антологии «Нескончаемый бой» (под ред. Г. Гаррета), которая готовится к публикации Vaibakov Art Projects в 2011 г.

земных сражениях, враждующие стороны ощущали действие принципа конечности существования, разделявшего исход битвы на победу и поражение. С тех пор как главные мировые силы располагают абсолютным (ядерным) оружием и каждая из них, владея новейшими технологиями определения и уточнения местонахождения противника, способна в одиночку истребить все живое, превосходя уже в этом все доселе существовавшие военные машины; с того времени, как выработана демократическая культура переговоров и третейского суда и изменилось отношение к применению оружия, признанному неадекватным и примитивным решением спорных вопросов, — сохранится ли впредь вероятность такого смертельного противоборства? Трудно себе представить, что мировые силы, проведя предварительно всеобщую мобилизацию, смогут когда-нибудь сойтись в подобном бою.

В демонстрируемой нам сегодня картине, разорванной в клочья волной современного насилия, трудно распознать привычный пейзаж военных действий и разглядеть, где проходят его жизненно важные дороги. Больше не видно сотен тысяч солдат, колоннами марширующих к будущему полю сражения, чтобы занять там заранее спланированные позиции для решающей битвы, — да, наверное, это и к лучшему. Никто уже не затаивает дыхания, в тревоге ожидая последствий применения оружия, не спрашивает себя о том, сколь долгим будет бой, когда и чем закончится — победой или поражением. На смену ожиданию пришло состояние безвременья, а террористические взрывы в общественных пространствах мегаполисов, математически точные расчеты траектории полета баллистической ракеты в ходе столкновения высоких технологий или нескончаемые гражданские войны в затухающих государствах воплощают сущностную форму этого состояния. По заведенному военному распорядку, когда-то в действии участвовал персонаж в солдатской униформе, годный к службе и ношению оружия и приписанный к своему полку. Он подчинялся старшему по званию офицеру, который указывал ему цели и план сражения, в соответствии с полученными от политического руководства приказами. Состояния насилия выводят на место старого персонажа фигуры новых действующих лиц: террорист, руководитель заговорщиков, наемник, профессионал, инженер, сотрудник органов безопасности и т.д. Нет больше организованной армии, все пронизано сетями конкурирующих между собой профессионалов насилия. Изменилась и сцена театра конфликтов. Когда-то военные действия разворачивались на обширных равнинах, иногда изрезанных холмами или прочерченных линиями рек. Кроме случаев осады городов, сражения чаще всего проходили в сельской местности, оставляя после оглушающих разрывов снарядов и криков боя прискорбное зрелище смешавшихся в полной тишине тел бывших врагов, лежащих в изорванных мундирах на земле, обильно политой кровью. Сегодня наступает время нового театра сражений — городского. В отличие от старинной осады, современный город беззащитен в его повседневном ритме супермаркетов и вокза-

лов, кафе и переходов метро: у обычных прохожих нет крепостных стен, за которыми можно было бы спрятаться...

В новом театре снайперы-одиночки превращают знакомые всем улицы в балаган жестоких развлечений; здесь на место марширующих, наступающих солдатских колонн, заставляющих жителей отступать вглубь своих земель, придут орды бегущих от хаоса и уносящих с собой свой скарб. На месте страшного поля битвы, где после смерти враги так перемешивались между собой, как будто стремились пообщаться в последний раз, мы находим груды трупов уничтоженных в спешке городских жителей.

Времена и пространства, действующие лица и трупы на авансцене. Конечно, картотека образов насилия должна быть описана иначе. Говоря философским языком, на место войны заступает то, что можно было бы предварительно назвать «состояниями насилия»: их следовало бы противопоставить тем понятиям, которые классики называли «состояниями войны», или, скажем, «природными состояниями». Предварительный концепт состояния насилия, подпитываемый философской выдумкой о конце войны, можно структурировать по специфическим принципам: стратегического раскалывания, географической дисперсии, неопределенности сохранения жизни, криминализации, — и все они представляют оппозицию состоянию войны.

Война была всеобщей и централизованной. Она образовывала, согласно структурам иерархии, собственную пирамиду власти. Современные состояния насилия кажутся анархическими и частными. Здесь действуют небольшие группы, образующие иногда отдельные формирования; пользуясь ситуацией развала государства, они позволяют себе запустить лапу в его ресурсы. Возникают террористические группировки, интегрированные в сверхсекретные международные сети и не имеющие при этом настоящего централизованного командования, которое бы ими руководило. С другой стороны, этнические или религиозные группировки провоцируют кризис осознания идентичности у гражданского населения. И в любом случае можно говорить о стратегическом взрыве.

Война проходила за счет географической концентрации вооруженного насилия. Она определяла поля сражений, где собирались противники для решающей битвы, учитывая разделение между границами, находящимися под угрозой, и более защищенными внутренними территориями. Сегодня насильственная смерть наступает повсюду, и в особенности в центре мегаполисов. Она представляет собой точечную напряженность, не имея собственного места, которое можно было бы предугадать. Состояние насилия отличается глобальным характером, поскольку организует шоковое испытание локальных серий. Например, в случае терроризма нельзя говорить о двух государствах, находящихся в состоянии войны: просто какое-нибудь формирование, созданное в далеких горах, использует локальную возможность истребления

отправившихся с утра за покупками обычных граждан. Насилие растворено в пространстве, и можно говорить о пространственной дисперсии насилия.

Война заявляла о себе сама: объявляла о начале военных действий, о всеобщей мобилизации, фиксировала постепенное продвижение войск, назначала день главного сражения и т.д. Изначально ставилась цель достижения мира. Требование мира содержалось в самой войне, ходе событий, приводящем ее к концу. Мирные периоды сменялись периодами войны таким образом, что практически не допускали другого пути. Напротив, современные конфликты протекают в неопределенном времени промежуточных состояний, в столкновениях, не имеющих начала и конца. Общая стагнация потворствует своим актерам, оставляя их бесчинства безнаказанными... Постоянная тревога и повсеместная угроза террора вызывают неуверенность в собственной безопасности.

Война, в ее классической форме, сталкивала между собой вооруженных солдат, убивавших друг друга, руководствуясь воинским уставом. Сегодня жертвами террористов, управляемых на расстоянии ракет, вооруженных банд, действующих в опустошенных районах, становятся в основном городские жители. Происходит криминализация насилия.

Рассказывая обо всех событиях, связанных с насилием, сильно искушение умножения негативного анализа ситуации, поскольку в состояниях насилия видится возвращение к естественному хаотическому противостоянию природных сил, а старые фигуры войны уходят в небытие. Понимая состояние насилия как природное, мы вынуждены рассматривать новые конфликты в терминах *варваризации*, *приватизации* и *дерегуляции*².

Варваризация. С этической точки зрения современное насилие предстает в виде совершенной дикости, обрекая нас на ничем не приглаженный хаос буйства примитивных инстинктов, считавшихся уже давно преодоленными, по крайней мере, у цивилизованных народов. Перед лицом гражданского населения, ограбленного вооруженными бандитами, перед изнасилованными женщинами, разоренными домами разоблачаются жестокость, жадность и недостойное сладострастие. А когда насилие надевает холодную маску тщательно подготовленного теракта, ужасного в своем изощренном техническом совершенстве, это свидетельствует о нигилизме воли. Варварский акт разоблачается перед лицом цивилизации.

Приватизация. С политической точки зрения конфликты, происходящие в районах, не имеющих действительной самостоятельности, считаются глубоко анархическими: ни один политический проект их не

² Barbarisation, privatisation et dérégulation – во французском варианте без курсива. Мы выделяем эти термины курсивом, потому что хотим подчеркнуть основную идею автора, оставив латинские термины без опосредованного перевода, в целях выделения группы этих элементов в тексте. – *Прим. перев.*

поддержит, так же как и ни одно движение в пользу новой расстановки сил. Чистая логика хищничества. Больше не существует враждующих армий, а лишь группы интересов: вооруженные банды, террористические сети, военизированные группировки, мафии. От запланированной войны происходит возвращение к адским циклам мести и ограблений. Мне скажут, что новое насилие зарождается на руинах разваливающегося государства. Нам известны роли государства, оправдывающего войну и разжигающего ее. Исчезновение государства способствовало бы, в таком понимании, появлению на месте классических войн конфликтов неопределенного вида, в тысячу раз более жестоких.

Дерегуляция. Что бы ни говорили, «справедливой» войне приходит конец. Война перехлестывает за свои пределы сверху и снизу: или в абсолютной трансцендентности, или же в радикальной имманентности. Предполагалась война святая или жизненно необходимая. Но предписания современной войны и сакрального разбивают доводы юридического обрамления войн во имя абсолютного права, и «жизненная необходимость» не является доводом для хищничества, а «святая война» не оправдывает требований религиозных фанатиков.

Когда-то в сражениях, проходивших под командованием героев, под знаменем, во имя целей, полагавшихся справедливыми, можно было отличиться и показать свою доблесть и отвагу. Состояния насилия будут в этом отношении варварскими, анархическими, криминальными. При неконтролируемом высвобождении примитивных желаний с солдатской этикой происходит полная путаница. Разрастание и усиление внутринациональных ставок, охватывающих региональные, торговые и попросту мафиозные интересы, вызывают разрушение политических структур. Замещение правовых нормативов на абсолютные уничтожает в результате саму юридическую систему.

Перед «зловещим»³ образом этих с трудом поддающихся идентификации и систематизации конфликтов мы слышим: «будет только хуже». Следует заметить, что наука о войне — полемология не узнает более своих детей: ни вождей, ответственных за происходящее, ни покорных солдат, ни замечательных героев, ни погибших на поле чести. Иногда мы слышим жалобы по этому поводу. Однако подобную ностальгию уже трудно вынести. Сожаления же о войне, которую сами мы не застали, вызывают лишь недоумения. Нужно ли напоминать, что добрые старые войны с добрыми старинными врагами, разжигаемые силами государств и базирующиеся на «доводах», были инструментами самых низких амбиций, самых безумных претензий, самых циничных подсчетов? Что они непременно способствовали жертвоприношению миллионов

³ «Зловещее» (или «Жуткое») — русский перевод названия известной статьи З. Фрейда (*Das Unheimlich*) (1919), где речь идет о нарушении связи человека с реальностью, когда обычные повседневные предметы насыщены смыслами, внушающими непонятный, а порой и неосознаваемый ужас. — *Прим. перев.*

людей, хотевших жить, и до срока уничтожили уже почти сформировавшиеся цивилизации, приводя самые великие культуры к самоубийству?

Нам остается, забыв ностальгию, понять, что движет состояниями насилия. Чем говорить о «новой войне», «дикой войне», «войне без войны», «войне без конца», «асимметричной войне», «обобщенной гражданской войне», «хищной войне», необходимо прояснить и поставить на место старой игры между миром и войной структуры состояний насилия. Однако те рассуждения, которые следуют ниже, не позволят определить какие-либо фиксированные черты нового насилия. Они служат для выявления проблематики конфликтов последних десятилетий, пытаясь их понять как позитивно выстраивающуюся логику состояний насилия, а не как разрушение структуры классических войн и открывшуюся вслед за этим пропасть безвременного хаоса. В той мере, в какой классическая философия концептуализировала состояние войны и мира, необходимо наметить основные моменты философского анализа состояний насилия, понимая их в виде современного распределения сил деструкции.

Деморализация?

*Даже твоей матери – пуля!
Даже твоему отцу – пуля!
Твое ружье – это твоя жертва!
Твое ружье – это твоя женщина!⁴*

Как сегодня понимать «деморализацию» войны, связанную с вытеснением этики солдата из структур насилия с помощью воскрешения архаических мотивов смерти, дикого и примитивного в культуре? Нескончаемы перебирания жалоб на всевозможных «диких» участников многочисленных внутренних конфликтов, раздирающих на части и без того уже призрачные государства, даже и драться не умеющих цивилизованно, – и так, в грабеже, насилиях и набегах, исчезает старинная честь воина. Рассказы о вооруженных группировках изобилуют образами накачаных наркотиками или перенасыщенных алкоголем солдафонов, жутких подростков, у которых через край переливается постыдное либидо, образами детей-солдат, выдрессированных в жестокости, вырастающих вскоре в злобных палачей... А террористы восстают во плоти, выйдя из вневременной тьмы варварского насилия.

В возгласах негодования интеллектуалов и аналитиков, призывающих в борьбе с нигилизмом привлечь на помощь «чутьочку» расизма и побольше этноцентризма, проглядывает желание показать, будто *мы (европейцы, Запад)* прославились цивилизованными и вежливыми конфликтами при отстаивании благородства собственной грубости. Нас пу-

⁴ Из песни юных новобранцев суданской освободительной армии на юге Судана. – *Прим. перев.*

гают их «грязными», дикими, дегенеративными войнами, а доказательства ищут во французской истории и истории других западных стран. Подобная манера рассуждения напоминает постколониальную убежденность в том, что, несмотря на несовершенство старых диспозитивов власти, они обеспечивали порядок или что любая помощь в урегулировании современных конфликтов будет использована нынешними политиками в собственных, коррумпированных, целях.

На смену вышколенным и строго организованным государственным войскам современное насилие приводит к действию множество полувоенных объединений, мятежников и вооруженных группировок; непонятно, кому они подчиняются, могут ли полагаться на своих союзников и как, в конце концов, формулируются их противоречивые интересы. Однако, чтобы понять, что за новая форма вырисовывается в современных конфликтах, необходимо выяснить, что же в них исчезло, и избавиться от связанного с этим чувства утраты.

Состояния насилия изменяют логику отношения к смерти. Три хорошо знакомых нам примера демонстрируют различные случаи этого отношения: террористический акт, приводящий к смерти в самом центре мегаполиса; разгул вооруженных банд в охваченных волнениями странах; запуски управляемых баллистических ракет, предназначенных «разумно» настичь цель с помощью «хирургически» точных ударов. Террорист, наподобие камикадзе, трансформирующий свое тело в орудие разрушения, создает ситуацию, уже потому неприемлемую, что человек, желающий погибнуть во время теракта, убивает заодно людей, которые совсем не хотели умирать. Собственная смерть становится оружием для убийства других, иначе говоря, совершается односторонняя тираническая инструментализация смерти. Жертвенная форма выворачивается наизнанку: я не отдаю свою жизнь, а умножаю смерть других. Смерть больше не сдерживает двух врагов перед схваткой, не держит их в напряжении перед проведенной между ними вертикалью смелости, не является общей опасностью, объединяющей их в жестокое сообщество насилия. Террорист выбирает вместо других. Полная асимметрия, не предполагающая никакой этики признания. Что до вооруженных группировок, вступающих в нескончаемые и рассеянные по местности столкновения, то они сеют смерть в основном вокруг себя. Они, конечно, сталкиваются между собой в случайных и кровавых боях, вступают в непреднамеренные уличные схватки, быстро наступают и также быстро отступают, форсированными ударами осуществляя контроль захваченных ими новых территорий... Но самое жестокое и длительное насилие испытывает ограбленное, изгнанное, истребленное городское население, оказывающееся еще и в заложниках.

В эпоху новых технологий для ведения войны требуется больше научной компетенции, нежели военной добродетели, что изменило отношение к смерти. Теперь смерть сотен тысяч врагов программирует-

ся, не сходя с собственного стула, сидя перед экраном компьютера, ни минуты не рискуя собственной жизнью. Для истребления противника, находящегося в зоне досягаемости оружия, больше не потребуется нашего физического присутствия, но знания, компетентность, научный профессионализм. Для того чтобы заказать смерть на расстоянии, необходимо вначале просчитать позицию мишени и прочертить координаты выбранной траектории. «Управление смертью» стало реальностью, по крайней мере, для одной из воюющих сторон. В новых конфликтах, в их ультратехнологической версии, исчезает даже минимальное равенство перед лицом смерти, составлявшее идентичность того, что среди всякого рода насилия и убийств позиционировало себя как «войну».

На приведенных примерах мы желали показать, как разрушается обмен смертью в состояниях насилия. В этих случаях, в отличие от состояния войны, смерть не обменивается. Она распределяется, распространяется, просчитывается. Существовавшая ранее формула обмена смерти уже сама по себе позволяла изготовить матрицу для морали, руководствуясь опытом войны. С отменой действия формулы обмена нас ожидает не возвращение к архаике, а, скорее, восстановление отношения к смерти, ее приятию. Смерть принимает новые формы: профессионального риска, математической формулы равенства, условия жизни, апофеоза новых медиа.

Отношение к смерти как к профессиональному риску могут проиллюстрировать две фигуры, относительно близкие между собой. С одной стороны, это наемник, служащий на какую-нибудь компанию, который сам отвечает и за свою безопасность, и за выполнение задания. Он оказывает услуги политикам, охраняя их и обеспечивая им надежное укрытие, а также индустриальным предприятиям, стремящимся защитить свои строения в зоне риска, военизированным группировкам, жаждущим заполучить в свое распоряжение надежных людей с целью обучения неопытных новичков. С другой стороны, перед нами профессиональный солдат, принадлежащий к большой современной армии, которого «ангажировали», поэтому он участвует в том, что мы сейчас называем «вмешательством» или «миссией». На самом деле, и тот и другой никак не хотят умирать и едва ли стремятся убивать, они выполняют свою работу: охраняют здания и людей, обеспечивают персональную охрану. Они призваны осуществлять конкретную помощь (занять здание, улицу, сектор), разделить город на зоны, контролировать их, поддерживать население... Для выполнения этих точечных, строго определенных заданий необходимо прибегнуть к компетентной помощи, профессионализму, ответственности... Набросав примерный портрет бойца нового типа, мы далеки от учеников убийц, компенсирующих свою неопытность яростью, грохотом и опьянением. Эти не убивают просто ради того, чтобы убивать, — они работают, выполняя свою миссию без ненависти. Конечно, частный наемник и профессиональ-

ный солдат преследуют разные цели, имеют разные ожидания и разный *эмос*. Частный наемник больше пользы извлекает из своего практического опыта, нежели из чисто технических компетенций. Как правило, он уже поучаствовал в других конфликтах, иногда в странах, находящихся по соседству, и, на самом деле, он именно это умеет: биться, командовать подразделением или полком, стоять на страже, не испытывая страха, принимать нужные решения в то время, когда вокруг разрываются снаряды и свистят пули. Поступая на службу в крупную компанию, он договаривается о хорошей зарплате, зная, что его ремесло рискованное, он не желает ни впасть в нищету, ни пострадать от безработицы. Эта ангажированность целиком экономического плана, он безразличен к ставкам в политических играх, имеющих отношение к конфликту, в котором участвует. Профессиональный солдат обучен и натренирован, знает правила сражений и соблюдает дисциплину. Но его сознание структурировано скорее согласно кодексу профессиональной этики, нежели кодексу воинской чести. Для него смерть больше не является высшим моментом и свершением судьбы. Как и всякий работник, он получает выгоду от социальных прав и профсоюзов, пенсионных вложений и перепрофилирования, от страхования жизни, медицинской и психологической помощи. Это функционер, озабоченный своими преимуществами (прерогативами), знающий, как разделить свои строгие обязанности. И частному наемнику, и профессиональному солдату присущ подход к смерти как к рациональному риску. Смерть представляет для них лишь специфический профессиональный контекст, статистически подсчитываемый риск. Все в новом образе солдата составляет оппозицию воображаемому рыцарству, поскольку нельзя путать риск и авантюру. Новая опасность не вписывается в рассказы о подвигах, она поддается рациональному просчету, определяется с помощью статистической случайности. Мерой судьбы в новой ситуации станет не смерть, а специфические поля летальной неуверенности. В старину, для того чтобы остаться в людской памяти, создать себе имя, требовалось отличиться рыцарской доблестью. Сейчас от наемника требуется, скорее, скрытность на грани с анонимностью. На смену клятве верности, превращающей рыцаря в «служаку», пришли подписные контракты с хорошо оговоренными статьями договора и проставленной конечной датой.

За последние десятилетия произошли невероятные технологические изменения, с ними связана настоящая «революция» в области военной информации: все, что движется, любое существо, любая машина тут же могут быть распознаны и их местонахождение определено на карте. Изобретение «умных ракет», в области электронного управления, позволяет точно поразить цель, осуществляя полный контроль за оружием массового истребления, следить за возможными траекториями полета. Наконец, рекорды, достигнутые в скорости передачи данных и скорости нанесения боевых ударов, свидетельствуют о том,

что старинное искусство войны давно уже превзойдено. Одним точным и молниеносным ударом можно уничтожить колонну военного транспорта, склад боеприпасов, сосредоточение воинских формирований. Всего вышеперечисленного можно добиться, сидя в кресле и постукивая пальцами по компьютерной клавиатуре. На непривычно гладком и бездушном экране компьютера враг не имеет своего лица, вместо него — лишь необъяснимые мерцания. Чтобы уничтожить врага, нужно, может быть, многое, но только не сила и не смелость: его истребление становится теперь делом чисто научной компетенции.

В формировании новой модели отношения к смерти, кроме наемника и инженера, участвует и юный новобранец. Он один из тех, кто вооружился в скитаниях по своей земле, кто сеял там ужас и хаос, грабил и разорял скудные фамильные владения, насилюя женщин, убивая мужчин, заподозренных в том, что они «засланы», или заставляя их примкнуть к своим рядам. Эти юнцы контролируют зоны богатства, желая обеспечить незаконную торговлю наркотиками, бриллиантами, ценными металлами, древесиной, позволяющую им обновить и пополнить свое военное снаряжение, транспорт и т.д. Ужас, который они вызывают у населения, не является, тем не менее, ужасом геноцидов, бандитов, натренированных на убийствах. В последних случаях слишком много планирования, в них просматриваются и смыслы тотальной идеологической войны, присущей XX веку. Внутри взрывов и разрушений, потрясающих государства в XXI веке, резкие разделения потеряли свое бывшее значение. Оппозиции между прогрессистами и реакционерами, революционерами и консерваторами, коммунистами и либералами, частично потеряли смысл во время столкновений, в которых сошлись даже не «этнические» группировки (это все наша привычка во всем видеть возврат к природному), а группы интересов, сети клиентуры, группы родства. Представляется, что речь для того или другого властителя войны идет не о том, чтобы «захватить власть» или принять сторону клиентуры политических бандитов, а о том, чтобы воспользоваться дивидендами власти (совокупным трофеем). Но как понять ужасающую дикость бесчинств, творимых новоиспеченными бандитами, их сверхнасилие?

Они примкнули к банде, стремясь к социальной интеграции, а не из-за упоения архаическим насилием, как можно было бы думать. В их жизни с помощью насилия просматривается не возврат к природному состоянию, а культурный травматизм. В состоянии насилия стать «псом войны» или примкнуть к «бунту» означает выжить, когда все потеряно, создать семью, если больше нет своей, когда все разрушено, обрести новые связи, пусть и дикие. Потому что, прежде всего, с помощью насилия живут. Живут грабежом, отыгрываясь на городских жителях, обогащаясь на награбленном. В результате больше времени уходит на грабежи, чем на сражения, и оружие служит в той же степени для запугивания, чтобы сеять страх, получать желаемое с помощью силы, в какой — для схватки с врагом. Да, еще существуют сражения, реальные и убийствен-

ные, но в конечном счете редкие. Они связаны с новыми тактическими перемещениями, захватом позиций, точечными оказаниями помощи. Но в то же время внутри банды действует солидарность, мужская дружба, где у каждого — свое признанное место. Все делятся между собой не только награбленным, но и воспоминаниями. Вглядываясь в человеческие судьбы, можно увидеть, скорее разглядеть трогательные процессы социализации при помощи насилия, нежели нигилизм бесформенных существований.

В самом деле, ошарашенные подростки, упивающиеся убийствами, не пользуются насилием, они *сами* есть насилие. Оно существует в виде их субстанции, новой идентичности. Разрядить пистолет в ни в чем неповинных, дрожащих от страха людей, уродуя их тела, — всему этому обучаются. Но предварительно необходимо снять сдерживающие пояса сострадания и отвращения. Чтобы быть принятым в банде, надо самому быть обстрелянным, пройти «инициацию». В ходе диких и кровожадных обрядов насилия юнцов заставляют участвовать в убийствах, самим создавая объект небывалой жестокости. Инициаторы-палачи улыбаются им, подбадривают, поздравляют. И новоиспеченные бандиты тут же приходят в восторг от того, к чему пришли. Как смогли пережить все то, что пережито, не будучи убитыми, позабавиться в чужой крови, разбить чьи-то головы, вскрыть животы и взорвать тела, а при этом небо продолжает все также сверкать голубизной над их головами! Это почти откровение, великое освобождение, которое отделяет вас от остального человечества, но которое оплачивается окончательным разрушением субъекта, освобожденного и плавающего в пьяной ирреальности совершенного преступления. Грохот оружия, крики, убийство, все становится почти игрой. Вслед за этим, инициированные к насилию, они могут ощутить свое собственное существование лишь в страхе других. Им необходим кошмар. Чужой кошмар необходим, чтобы не просыпаться от собственного. За порогом смерти больше нет высших ценностей жизни. Ужасная привычка к смерти стала условием их существования. Осуществленная, сама по себе смерть есть то, что окончательно отделяет субъекта от него самого, а он, желая ускользнуть от столь навязчиво конституирующей его идеи, может лишь передать ее вовне, перераспределить в общей структуре, но не в состоянии избавиться от нее насовсем. Инициаторы-палачи и «псы войны» (профессионалы) живут лишь смертью других. Солдатская героическая этика требовала совершения уникального акта самопожертвования. А тут наоборот, после инициации разрыва чужая смерть должна бить ключом, для того чтобы выжить самому.

Террористический акт представляет собой последний способ изменения формы отношения к смерти в состояниях насилия, он воплощает собой принцип «медиатизации» смерти. Давно уже были замечены его зрелищность и жестокость. «Пропаганда действием» транслируется и ретранслируется различными средствами массовой информации

при помощи инсценировки террористами сцен ужаса, сея панику, как говорят, в «мировом общественном мнении». О событии столько говорят еще и потому, что оно ужасно несправедливо по отношению к своим жертвам.

Тревожные игры, сопровождающие «рекламную шумиху» теракта, связаны с логикой средств массовой информации. Причем до такой степени, что террорист может вдохновляться экранной картинкой смерти, транслируемой повсюду и позволяющей ему, таким образом, обрести своих зрителей. Среди них фанатичные почитатели, передающие друг другу видеозаписи с его последними выступлениями, и публика, состоящая из оцепеневших от страха граждан, внезапно настигнутых смертью в самой гуще повседневности. Если раньше каждая битва могла стать сюжетом романа или рассказа, если глобальная война для своего осуществления в самом широком масштабе требовала отвлечения от своей идеологии, чему соответствовал массовый геноцид, терроризм призывает на помощь своему точечному, но абсолютному выражению глянцевого блеск изображения, сочетающего в едином целом уничтожение других людей и свое собственное фантазмагорическое воскрешение и прославление в загробном мире.

Война сделала из смерти общепринятый термин обмена, в соответствии с которым выстраивается целая шкала этических достоинств (честь, смелость, послушание, жертвенность и т.д.) — по ней субъект сверяет свое существование. Напротив, для состояния насилия характерно, что смерть воссоздается в роли активного противопоставления уничтожению другого, но по особым параметрам: рационального подсчета, упоения жестокостью, славы, воспроизведенной на изображении... Здесь меньше чистой потери этической субстанции, чем воссоздания отношения к смерти, но на этот раз в качестве одностороннего разрушения другого, позволяющего, в ответ, самоопределиваться субъекту: хороший профессионал, настоящий «пес войны», хороший террорист.

Деполитизация?

Структурно адекватное понятие, которое заместит понятие войны как «продолжение политики другими способами», не является больше действием, удерживающим политика от нападения, как во время холодной войны, но скорее — вмешательством.

П. Хасснер. «Террор и империя»

Новые войны, казалось бы, потеряли всякий политический смысл, при этом особо удручает рост коммерциализации конфликтов и усиление их этнической составляющей. Это означает, что отныне все решают де-

нежные мешки или личные распри. Если это дело денежных мешков, то становится понятна взаимосвязь между актуальными проявлениями состояния насилия и действиями мафии, жадных до наживы полувоенных группировок, бандитов всяческих мастей и пр. Незаконная торговля запрещенными товарами, контроль над крупными монополиями, грабеж: старинная слава войны должна угаснуть в непрерывном разбое. На смену ей приходит логика хищничества. «Конфликты идентификации», о которых так часто говорят сегодня, включают смертельную борьбу между внутринациональными идентичностями, этническими, религиозными сообществами, где каждое из них отрицает другое. Мы видим государство, которое распадается на части: от него остается пустая оболочка, лишь только глухая и слепая бюрократия, не способная выработать планов развития, которые могли бы стать основой деятельности следующих поколений. Нет больше ни «граждан», ни «нации». Ничто не спаивает воедино гражданское, светское, не связанное идеологией сообщество. Наоборот, открылась дорога ненависти: внутри одной и той же нации обнажены глубокие противоречия, ставшие глубже, если они прикрывали добрососедские отношения. Так дорога ненависти выводит на путь потомственной вражды, взывающей к действию логики истребления.

Убийство и разбой — вот смысл нового насилия. Есть из-за чего сожалеть о старых войнах, в которых «граждане» убивали друг друга из-за «государственных» причин. Однако благородные замыслы тех времен — смогли ли они помешать грабежам, завоевательным войнам и будет ли в этом случае национальная вражда менее жестока, чем этнические конфликты? Рынок и культура сегодня оказываются также вовлеченными в поле конфронтаций, хотя и полагались ранее сферами, далекими от войны. В современной ситуации рынок и культура представляют *силы деполитизации* конфликтов, что означает варварское заточение конфликтов в узкие культурные рамки, сужение смыслов культуры вокруг простой коммерческой выгоды. *Силы деполитизации* могут отнять у войны ее субстанцию. Новые смыслы войны изначально сводят все противоречия к взаимному отрицанию, в итоге интерпретация состояния насилия как природного сводится теперь к единому царству природы, без разделения на алчность и ненависть.

Но в этом случае мы имеем дело лишь с негативным анализом. В рамках этого анализа без конца оплакивается отсутствие войны, а никто не задает вопрос: что же вызывает к жизни снова и снова современные состояния насилия? Война, в политическом контексте осмысленная классической философией, помогала обосновать категорию «политической единицы». Государство, империя, город стабилизировались во время войны и с ее помощью: война объединяла сообщество, создавала его образ, подтверждала его силу. Можно описать две системы структурирования государства: имперскую (романский ордер) или этатическую (вестфальский ордер).

Империя создавала порядок спокойствия, на всей протяженности ее территории признавались законы, устанавливалась властная иерархия, уважались обычаи и верования, а различные культуры приспособлялись друг к другу. Среди всеобщего процветания царило мирное согласие. За краями империи уже открывалось пространство риска. За порогом цивилизации, вне империи, находилась беспокойная зона, где шли завоевательные войны, позволявшие приручать новые народы, присоединяя с ними новые пространства. В этой зоне, как считалось, не соблюдались законы, поэтому в ходе длительных отступательных войн дестабилизирующие силы удерживались за пределами империи. А сама империя была спокойным и единым расширяющимся целым.

Современное государство, напротив, включало условие множественности. Если империя одна, то существует множество государств. Вот почему у такого государства нет краев, а границы. Граница определена на карте четко прочерченными линиями, тогда как края размыты, не имеют четких ориентиров. Граница воплощает в себе этактический принцип разделения: между внутренним и внешним, между городским и военным, между безопасностью и состоянием войны. Безопасность относится к сфере внутреннего общественного порядка, она поддерживается законами, а ее претворение в жизнь зависит от полиции и приказов свыше. Центр государства безопасен и спокоен. В условиях состояния войны, на периферии, границах сохраняется постоянная возможность вооруженного конфликта с другим государством. Множество государств могут существовать при соблюдении одного, общего условия, а мир, как и конфликт, составляют две модальности этого условия: вооруженный мир или вооруженный конфликт. Мир — это состояние спокойной, стабилизированной войны. Конфликт — это точечное сгушение опасности, грубое проявление скрытого состояния.

Сегодня больше не существует ни войны, ни мира. Классическая система государств была нарушена самой логикой существования двух блоков во время холодной войны. В первый раз две диаметрально противоположные империи не смогли перейти от политической конфронтации к войне, в первый раз в этом случае они отказались от использования оружия, понимая, что оно слишком разрушительно. Ядерная сила помешала войне, но в то же время превратила мирное состояние в продолжающийся кошмар. Со времени «падения» Берлинской стены началась эпоха нового распределения насилия. Ее выражают два фактора: вмешательство и безопасность. В результате вырисовывается необратимое исчезновение войны и мира. Нет больше ни единой империи с ее беспорядочными краями, ни множества государств, держащих границы в постоянной боевой готовности, а общий мир, пронизанный состояниями насилия, сдерживаемыми системой безопасности и политической вмешательства.

Главные силы больше не воюют: повсюду в мире они вмешиваются в происходящее. В течение длительного времени считалось, что поли-

тику вмешательства необходимо разоблачить, помешать ей. Политика вмешательства провоцировала скандалы, само по себе вмешательство во внутренние дела оскорбительно для признанного всеми принципа суверенности наций. Принято считать, что вмешательство — политическое зло. Напомним классическое определение вмешательства, данное Оппенгеймом⁵: «...диктаторское или принудительное воздействие одной или нескольких партий на легальную сферу господствующего государства или, в более общем плане, на независимое политическое сообщество». Для того чтобы устранить конфликт, тот, кто вмешивается, устанавливает свой порядок, основанный на угрозе применения силы. Поэтому политика вмешательства была негативно воспринята мировым сообществом. Ее можно было реализовать лишь нелегально, руководствуясь услужливой логикой специальных консультантов и серьезной финансовой поддержкой. Вмешательство во внутренние дела других государств расценивалось так же, как скандальное высказывание о том, что нас не касается. Будто можно было бы стать арбитром истории, спокойно дожидаясь нападения со стороны окружающих слабых государств. В то же время, запрещая вмешиваться в чужие дела, считалось вполне приемлемым помогать тому, кто нуждался в помощи.

В наше время вмешательство стало особо актуально, а скандалы возникают, напротив, вокруг войны. Вмешательство в ситуацию в Ираке, или где-нибудь еще, не означает вести с ним войну. Термин «вмешательство» не является строго военным. Что имеется в виду при его употреблении? Вмешательство требуется, например, при технической неисправности: когда больше не функционирует аппарат, машина сходит с путей. В этом случае зовут техников, чтобы найти причины поломки, придумать, как исправить, починить, пустить в действие. Они должны быть компетентны и эффективны в работе. Вмешательство также может быть делом общественного порядка: например, полиция вмешивается, чтобы справиться с беспорядками в квартале. Нельзя сказать, что она всегда будет иметь дело с преступниками или вступит в открытую конфронтацию с возмутителями спокойствия. Но полиция может призвать к порядку общественными силами, нейтрализовать виновников, арестовать преступников. Вмешательство также имеет медицинский характер: хирургическое, психиатрическое... Речь идет о том, чтобы ухаживать, оперировать, сделать все, чтобы восстановить здоровье пациента. В том же духе, без сомнения, понимается и гуманитарная помощь: помощь беженцам, нуждающемуся населению. Вмешательство определяется принципом активности. Оно не связано с переговорами или совещаниями, напротив, оно претворяет в жизнь, берет на себя, использует средства... Вмешательство полагает приоритет порядка. Оно не действует творчески, не создает новый порядок, а устраняет нарушения, восстанавливает связи, равновесие, пытаясь прийти к гармонии. Вооруженная

⁵ L. F. Lawrence Oppenheim // *International Law*. Vol. 1. Londres, 1905.

агрессия во время войны вызывала потрясения, провоцировала возникновение разрывов в истории. С войной, ее победами и поражениями связаны разрывы и дисфункции общественных отношений. Вмешательство, наоборот, восстанавливает их преемственность. Нет ни побед, ни поражений, а лишь уровни достигнутой эффективности в проведении операции вмешательства. Война противопоставляла двух равных врагов по несчастью. Напротив, тот, кто вмешивается, неравен тому, с кем он борется. Существует порядок вещей, возможная гармония, возмутители порядка, сеющие хаос. Тот, кто вмешивается, находится на службе мирового порядка для нейтрализации возмутителей спокойствия. Нет больше врагов, сталкивающихся между собой лицом к лицу, в действии против локальных зачинщиков беспорядка участвуют агенты его универсального уровня проявления. Вмешательство ставит целью укрепление сообщества ценностей и порядка для всех, на универсальном уровне.

Как вооруженный конфликт, в классической его форме, является лишь выражением высшего напряжения состояния войны, так же и вмешательство будет лишь видимой вершиной общего диспозитива безопасности. Вмешательство имеет целью поддержку и улучшение мировой безопасности. Безопасность не является сугубо военным концептом, обозначая определенное состояние и собственные силы его поддержания и воспроизводства. Во-первых, безопасность означает состояние защиты и доверия, отсутствие опасности. Чувствовать себя в безопасности — значит чувствовать себя огражденным от опасности, либо зная о существовании собственных возможностей противостояния, либо когда эти опасности довольно далеки, чтобы всерьез беспокоиться. Во-вторых, безопасность обозначает полный перечень способов эффективной личной защиты, которыми предусмотрена целая сеть механизмов наблюдения и анализа, позволяющая предвосхитить возможные волнения и контролировать ситуацию. Диспозитив безопасности необходим как для обеспечения защиты отдельных людей, так и, в сущности, для защиты всех живущих на нашей планете. Война декларировала защиту Отечества, Народа, Идеологии, безопасность нужна всего лишь для защиты живущих. Диспозитивом безопасности предусмотрена и защита окружения — оболочки всего живущего. Область объектов, входящих в поле действия диспозитива безопасности, можно определить как область живущих. Питание, сексуальность, окружающая среда, но также агрессия, насилие: безопасность должна быть гарантирована каждому живущему в собственном поле его повседневности, не угрожая целостности его окружения, где он может чувствовать себя защищенным от нападений. Террористический акт, танковая атака, химическое оружие являются составными частями опасности, наносящей ущерб живущему, но, в конце концов, они принадлежат той же ткани, что и болезни, и эпидемии. Напротив, война сводила в бою лишь смертельных врагов. Безопасность как основа регулирования состояний насилия принимает во внимание единое поле, в котором сое-

динены все опасности, подстерегающие живущего, от вируса до террористического взрыва. В своих лекциях в Коллеж де Франс в 1978 г. Мишель Фуко говорил о том, что любая безопасность сводится к биополитике.

Система безопасности стремится кардинально уменьшить риск агрессии против живущего индивида. Но риск не является, попросту говоря, опасностью или угрозой. Провозглашение «Родина в опасности», безусловно, предполагает логику мобилизации. Любой народ поднимется против завоевателя, который захочет уничтожить его культурную или духовную идентичность. Провозглашая опасность завоевания на определенном участке пространства, сообщество взывает ко всем своим активным силам, требуя неотложной помощи, освободительного движения, прорыва. Угроза завоевания регулируется логикой сдерживания противника от нападения. Согласно этой логике, рациональные актеры (Силы, Империи, Блоки) сходятся лицом к лицу, подсчитывая в уме, во что обойдется каждому из них вызванный у другого ужас, и обращая в дивиденды кошмар взаимного разрушения. Мировая безопасность находится в плену холодных подсчетов.

В отличие от прерванного, остановленного в ожидании нависшей опасности хода времени, расчет риска предполагает неусыпную бдительность систем наблюдения и людей, пребывающих в состоянии смутной тревоги. Ранее понятие мира соответствовало миру между народами и нациями, состоянию союзничества и дружбы между государствами, санкционированному договорами и конвенциями. Мир провозглашался и устанавливался, давая возможность спокойного существования вплоть до следующего раскола. Условия безопасности в большей степени связаны с нескончаемым процессом обеспечения безопасности индивидов, нежели с отсутствием провозглашения военных действий между народами. В результате можно уклониться от опасности, свести ее угрозу к состоянию равновесия, но при этом мы лишь уменьшаем риск, а не избавляемся от него навсегда. Полностью избавиться от него невозможно, но можно заставить его отступить с помощью различных приемов. Организация безопасности совершенствуется, когда общая система защиты принимает эстафету от индивидуальной бдительности. Меры предосторожности формируют принцип обеспечения защиты, так что общая система наблюдения принимает данные от каждого. Состояние бдительности держит всех членов сообщества в постоянном напряжении. В то время как раньше защиту страны доверяли поставленным на границах солдатам, теперь всеобщая безопасность зависит от вклада каждого индивида. Вся смертельная сила, выраженная в военном сражении, теперь рассредоточена в затаенном, но продолжительном ожидании. Оно включает и наблюдение за подозрительным поведением, и внимание к незначительным его отклонениям, выявление нарушений там, где обычно все спокойно, и т.д. Опасность может подстерегать нас повсюду: на верандах кафе, на вокзале, на углу улицы, в переходах метро. В виде обволакивающей системы безопасности система защиты

воспроизводится в каждом из нас как *этос* предосторожности. Политический субъект подчинялся воле государства. Если война требовала от всех подчинения, то состояния насилия рекомендуют каждому быть бдительным, интегрируя каждого живущего в систему безопасности.

Подобная трансформация экономики насилия наиболее ярко проявляется в том, что можно назвать принципом преемственности. Еще раз отметим, что старая система не столько противопоставляла войну и мир, сколько безопасность (внутренние силы порядка) состоянию войны (война или мир выстраивают внешние отношения, направлены против других государств). Отсюда следовала целая серия различий: между гражданским и военным, преступником и врагом, внутренними делами и иностранными, полицией и дипломатией. Преступное и военное насилие, так же как и их осуществление, не сводились одно к другому, как и агрессии вирусов и микробов. Эти сильные оппозиции становились ясны только при условии понимания, что государства состоят из политических субъектов («граждан»).

Напротив, правонарушения, терроризм и болезни свидетельствуют об одной и той же рациональности риска. Старые различия здесь спутаны в едином *континууме* тревоги и беспокойства. Полиция и армия, дипломатия и частные учреждения безопасности, научная, медицинская и гуманитарная сферы — все способствуют одному и тому же обеспечению безопасности (военное вмешательство теперь не сводимо к гуманитарному: это миссии на службе сообщества живущих).

С этого момента напрасно безопасность старается приукрасить себя риторикой прав человека, она совершенно чужда этим проблемам, потому что ее жизненное основание представляет индивид, занявший место субъекта права. Рассматриваемый просто как живущий, индивид имеет меньше прав или обязанностей, чем зон уязвимости, требующих защиты, и чем возможностей для самореализации, которые можно осуществить. Единое сообщество живущих включает: *континуум* правоохранительных органов, куда входят сотрудники безопасности от полицейского до военного; *континуум* опасности в диапазоне от риска, связанного с поставками продовольствия, до риска террористического акта; *континуум* насилия — от природной катастрофы до гражданской войны; *континуум* вмешательства — от вооруженной интервенции против агрессивного государства до гуманитарной помощи; *континуум* жертв — от несчастного беженца до ребенка, за которым плохо ухаживают. Эти динамические линии связей постоянно дополняются. Они объединяются в потоке изображений, циркулирующих в круговороте продукции и людей, проявляются в сплетнях и жалостливых рассказах зевак, пополняются в общности жертв.

Представляется, что глобальный мир сегодня характеризуется логикой движения потоков: потоков товаров, миграционных потоков населения, потоков информации и изображений. То, что сейчас называют

«глобализацией», будет господством этой логики движения транснациональных потоков над старыми потоками, способствуя, с помощью слияния народов, объединению богатств, накоплению знаний, созданию сильных политических единиц. Население, торговля, изображения — отныне все потоки стремятся слиться в общем движении. Диалектика вмешательства и безопасности обеспечивает проходимость различных потоков. Сегодня происходят трансформации Силы: ранее она была гарантирована государством, накапливающим на протяженных территориях природные богатства, умножающего на этих территориях свое население. Сегодня сила зависит от способности структурирования, создания распределяющей потоки сети. Ранее война создавала устойчивость (материальную и воображаемую: крепость границ и славу победы) государства как политической единицы, которое должно занять свое место среди других государств. Война формировала и стабилизировала островной характер сил. Сегодня диспозитив безопасности, обеспечивая проходимость потоков, регулирует состояния насилия, при этом государство создает лишь один центр обеспечения безопасности среди других. Вмешательство восстанавливает оборванные насилием потоки, изменяет их течения, по-новому распределяет потоки в сети. Форсирование границ провоцировало войну. Вмешательство зависит от того, прекратилось ли движение потоков (или же появился новый поток). В ходе движения и перераспределения потоков создаются новые идентичности, которые не связаны с осознанием гражданства.

У империй были края, а у государства — свои границы. Система безопасности характеризуется, скорее всего, полями. Процессы интеграции обеспечивают общее движение потоков населения, богатств, информации и т.д., но действуют вне пространства, не затронутого интеграцией. Именно на полях не интегрированного концентрируются крайние состояния насилия, включающие действия мафии, желающей осуществить контроль за запрещенными законом рынками, или же бесстыдные грабежи бедняков бандами наемников. Система безопасности создает эти поля, где витает хаос. Когда слишком накладно даже эксплуатировать бедных, им оставляют вооруженный конфликт. Пусть они убивают себя в нижних эшелонах мира, чтобы вырывать друг у друга объедки большого пира, или пусть оспаривают между собой запрещенные рынки таким образом, чтобы основные рыночные операции не пострадали, пусть они воспользуются движениями маргинальных потоков. Так, система безопасности окружает себя двойным кольцом: вмешательствами, создающими острую активную верхушку, позволяющую перераспределять сети; серыми зонами, где все выброшенное взаимно пожирает друг друга. Классический диспозитив войны позволял «переделать политическую единицу», затушевывая деление на классы, усиливая при этом законные власти, доводя до максимума мощь государства. Безопасность стирает поперечную линию разделения наций, проходящую, с одной стороны, между системой безопасности законных потоков и жизненным основа-

нием живущих там индивидов, и, с другой стороны, серыми маргинальными зонами, где «лишние люди» медленно деградируют.

Состояния насилия не противопоставлены войне, как и природные хаотические состояния политически структурированным конфликтам. Скорее, они организуются по линиям, не зависимым от старых разделений. Также, не является ли система безопасности «другим» по отношению к состоянию насилия, в том смысле, как еще вчера понимали оппозицию войны и мира: она является внутренним и постоянным принципом регулирования насилия.

Изображение против права?

Показ войны по телевидению означает конец деления на гражданское и военное население.

*Маршалл Маклюэн.
«Война и мир в глобальной деревне»*

Действие правовых нормативов плохо передается с помощью изображений и намного лучше — с помощью описаний. Как мы видели, война довольно долго понималась как юридический феномен. Медиатизация насилия изменяет такое понимание. Инкорпорированию юридических норм в диспозитив войны соответствовало, прежде всего, временное структурирование насилия. Война понималась как начало истории, представлявшее объединение различных исторических фактов насилия или как чистая декларация (объявление войны и подписание мирного договора). Впоследствии военное право провело серию резких разделений: на добрых и злых, поборников справедливости и преступников (справедливая война), оно выделило индивида, несводимого к своей военной функции, преступника, отличавшегося от врага («война форм»⁶). То, что современные состояния насилия можно изобразить (повсеместная трансляция происходящих конфликтов и террористических актов), и следующая за этим игра аффектов искажают отношение насилия ко времени и спутывают сложившиеся ранее оппозиции.

Эпическое повествование описывало ход военных действий. От рассказа о неспешном продвижении войск шел переход к сумбурному началу сражения, затем наступал решающий кульминационный момент: поражение или победа. Время было запечатлено в виде натянутой в форме дуги кривой. Современные состояния насилия показывают две несводимые друг к другу разновидности времени: чистое мгновение и сумрачная длительность.

⁶ «Война форм» (в отличие от «тотальной войны») — концепция ограниченной войны немецкого политолога Карла Шмитта. Она реализуется между военными, профессионалами, не включая гражданское население. — *Прим. перев.*

Терроризм проявляется чистым разрывом во времени. Террористический взрыв находится за гранью понимания смысла, сразу же достигая выражения абсолютного ужаса. Конечно, для реализации теракта необходима тщательная подготовка, терпеливое материально-техническое обеспечение. Но когда взрывается бомба, когда разбивается самолет, когда палаш отрубает голову — все это происходит в одном месте, в одно мгновение. И каждый раз погибает столько людей, сколько возможно убить одним ударом. Не уменьшенная, не увеличенная, чистая интенсивность насилия. Кафе, куда мы ходим обычно, хорошо знакомое помещение вокзала, магазин, поезд метро и потом — почему-то именно в этот час, в эту минуту — убийственный взрыв. Террористический акт — это абсолютный взрыв, вызывающий оцепенение. И после происшедшего — тревога: ведь все может случиться снова, здесь, сейчас, однажды? В расчерченном человеком пространстве, распределенном времени теракт оставляет чистые, разрывные, непредсказуемые заранее пробоины. А когда речь идет о захвате заложников, терроризм удерживает ход времени, помрачая сознание от невыносимого ожидания.

Смутное время гражданских войн на развалинах стран, раздираемых спорами между военными группировками. В этих условиях мы находимся все время в нулевом году. Изображения повторяют одно другое. Те из них, что мы видели вчера, третьего дня, напоминают те, что мы видим здесь и сегодня. Снова и снова на них рядом располагаются одни и те же дикие беженцы, бегущие вдоль дороги, и те же группы вооруженных до зубов солдат, одни и те же руины, разбитые дороги, гуманитарный конвой, те же скитания. От какого числа эти фотографии? Изображенное на них так хорошо знакомо. Нескончаемый нулевой год: кажется, время остановилось. Бедствие монотонно. Состояния насилия неясны: ни война, ни мир, ни решающая победа, ни окончательное поражение не возможны, а лишь продолжающаяся бессмыслица, лишь меняются роли все тех же актеров.

В рамках справедливой войны убийство не является преступлением. Впрочем, у врага нет какого-нибудь определенного лица: он взят из садка общего чувства вины (справедливая война) или заперт в рамки абстрактной юридической категории (война форм). Различают потери, большие и малые, приемлемые или чрезмерные. Когда средства массовой информации начинают транслировать состояния насилия, речь идет не о потерях, а жертвах. Что показывают обычно в репортажах о конфликтах? Фрагменты единичных и трагичных историй: бедная старуха, детская боль, мужчина с мрачным взглядом, заплаканные лица. Все смыслы, все требования, все оправдания одной или другой стороны устраняются перед зрелищем страдания. Страдание трогает каждого. Нам показывают лица, рассказывают истории семей, одетых в траур, собирают показания свидетелей. Необходимо учитывать принцип индивидуализации войн, устанавливающий трогательную очевидность, что никакой смысл, никакая причина никогда не смогли бы оправдать уничтожение этих опу-

стоенных существ. С того момента, как на экране показаны жертвы, ни один конфликт нельзя оправдать. Он остается без оправдания в той же мере, в какой невозможно оправдать стихийное бедствие. Когда войну начали транслировать по телевизору, ее стало уже не отличить от природного бедствия. Все тот же вид несчастья. Зрелища землетрясений, циклонов, гражданской войны демонстрируют одни и те же изображения несчастья. Все ту же гуманитарную помощь мы ждем в беде, будь ли она результатом войны или природного катаклизма. Невозможно различать страдания, выйти из-под гипноза слез, чтобы распознать справедливость вызвавших их причин, чтобы обсудить правила смертельной игры и осудить ее фатальность. Состояние насилия становится непереносимым, будучи зафиксированным вживую в изображении: почему оно настигло именно тех, кто сейчас плачет перед нами? Без повествования, без сообщества конфликт останется лишь убийством.

В былые времена художников захватывал сюжет перехода от жизни к смерти. На величественных полотнах изображались в основном воины в момент агонии: вот, например, тело упавшего с лошади всадника, рука тянется, а глаза уже пусты, или солдат пехоты, распростертый на земле, рука закрывает рану, а глаза обращены в вечность... Телевидение, даже имея на то все возможности, не смеет обращаться к сценам смерти, мы их там почти не увидим. Оно показывает главным образом тех кто выжил, пережив драму, чтобы родиться вновь в нашем сочувствии. Великое равенство выживших — кто захочет его нарушить? Нет ни хороших, ни плохих. Оставшийся в живых в наших глазах примет облик невинного.

Жертвам положены палачи. Тот, кто берет в руки оружие и осмеливается пустить его в ход, сразу становится преступником. Существуют лишь убийцы и жертвы. Война разделила нарушителей уголовного кодекса и врагов государства, лишенных личностных качеств. «Как только солдат терял оружие, — писал Руссо, — он становился таким же человеком, как и я». Сегодня посланник страха не имеет ни оружия, ни униформы. Он ездит таким же транспортом, как и я, в самолете, метро, автобусе. Ничто не отделяет меня от него, да и кто сможет распознать его лучше меня, ведь и я могу стать его жертвой? Любой из нас может оказаться участником и репортером теракта.

Состояние насилия вырисовывается, таким образом, по логике трансляции изображения страдания. Таким образом, действуют принципы, отличные от принципов справедливой войны, сводя воедино юридические различия: принципы индивидуализации несчастья, неоправдываемого страдания и уравнивающего всех сочувствия.

Предварительный концепт состояния насилия, описанный выше, никак не может сочетаться с тем, что философия представляла ранее в виде «народной и справедливой войны».

Война была призвана конфигурировать насилие, выполняя согласованный между противниками обмен смертью, и предлагала субъекту,

участвующему в сражениях, набор этических упражнений: вкус чести, стойкость, чувство жертвенности, страстное стремление покончить с войной... Современное состояние насилия трансформирует отношение к смерти, навязывая логику одностороннего и бессмысленного уничтожения беспомощного гражданского населения.

Война создавалась в виде зрелищного военного насилия, обеспечивая жизнедеятельность, сохранность и развитие таких «политических единиц», какими стали город, империя, государство. В то же время, когда война занималась обоснованием их существования, она проявила и неустойчивость исторических сообществ. Современные состояния насилия, заключенные в жесткую сетку диспозитива безопасности, регулируются ее структурами. Они еще больше проявляют хрупкость человека, оставляя нам новое определение *насилия как чувства уязвимости меня как живущего, сопровождаемого идеей внешней причины насилия.*

В отличие от войны, состояние насилия одностороннее, оно касается так же и болезней, как и террористических актов, природных катастроф, как и авторитарного принуждения, гражданских конфликтов и уголовных преступлений.

Война создавалась в качестве насилия, основанного на юрисдикции права. Мифологии подтверждают существование изначальной цезуры на заре истории, описывая создание мира как победу одного бога над другим, что также позволяет понимать разделение войны как начало истории, идеальное разделение, в моральной спекуляции теологов «справедливой войны», исправляющее несправедливости, наказывающее виновных; в конце концов, юристы систематизируют верноподданническую войну, с ее правилами и ритмами, непревзойденными декларациями, четкими разделениями, сформулированными условностями (война или мир, преступник или враг, воинственная страсть или ненависть, вооруженный солдат или гражданский человек). Трансляции состояний насилия в средствах массовой информации (зрелище обнаженного несчастья) показывают, с помощью изображений, безобразие индивидуального страдания и скорбь по его жертвам. Срочный и выразительный репортаж об этом поражает аналитический ум и изначально обескураживает всякие попытки оправдания.

Война в форме «вооруженного конфликта, публичного и справедливого», со своим враньем и гордостью, ужасами и утешением, медленно исчезает со сцены. Перед нами открывается будущее состояний насилия, регулируемых системой безопасности, в свою очередь, стремящейся уменьшить риск их возникновения и требующей, чтобы мысль изобрела новую надежду и наставляла новую бдительность.

Перевод с французского Натальи Смолянской